

М.В. БЕРЕНДЕЕВ

СТРАНЫ БАЛТИИ В ДИСКУРСЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Проблема формирования идентичности в современных балтийских государствах – Литве, Латвии и Эстонии – является ключевой в целом для региона, прежде всего при выработке стратегии национальной политики и экономического развития. Балтийский регион расположен на границе влияния восточных и западных цивилизационных центров, конфликтующих и конкурирующих между собой в экономических, культурных и политических пространствах. Идентичность балтийских стран зависит от модели разностороннего сотрудничества с разными экономическими и политическими центрами в современной Европе, которые одновременно выступают идентификационными ориентирами. Однако посредством соотнесения с ними население и политические элиты вырабатывают достаточно противоречивую картину представлений о месте современных балтийских государств в обновленной Европе. В данной статье мы предполагаем, что единая балтийская идентичность есть не более чем политологический конструкт, и учитываем очевидные различия в историко-культурном и политическом развитии Эстонии, Латвии и Литвы.

Идентичность в странах Балтии: Между суверенитетом и интеграцией

Идентичность в современных странах Балтии может быть описана через взаимодействие двух конкурирующих дискурсов: суверенных государств (национальной идентичности) и интеграции (дискурса европейской идентичности).

Дискурс суверенитета связан с формированием государств и политики национальной исключительности. В этом смысле интеграция с Западом и ЕС рассматривается с точки зрения безопасности. Дискурс интеграции отражает дискуссию вокруг европейской идентичности и места балтийских государств в едином институциональном и идеологическом европейском пространстве.

Дискурс идентичности балтийских государств во многом определяется повесткой дня в отношениях с Россией и демонизацией восточного соседа. Здесь доминируют сообщения о геополитических интересах России и ее действиях, направленных на подрыв автономии политических решений Эстонии, Латвии и Литвы. Бегство из имперского пространства стало едва ли не единственным фактором формирования общности балтийских государств.

Эксплуатирование исторической тематики в отношениях с Россией фактически определило контуры формирования новой, европейской идентичности прибалтов. Они хотя и пытаются противостоять советскому прошлому, все же оно не могло не наложить отпечаток на политические и иные практики; т.е. фактически перед балтийскими государствами стоит задача не только формирования новой идентичности, но и преодоления наследия прошлого. «Страны Балтии рассчитывают приравнять Советскую Россию к фашистской Германии, которая, в свою очередь, уже выплачивает компенсации жертвам нацизма. В решении вопроса о компенсациях Литва, Латвия и Эстония надеются на понимание и поддержку Евросоюза» [Кортунов, 2010]. Поэтому «восточноевропейские страны столкнулись с трудностями: они все еще пытаются бороться с печальными событиями из своего недавнего прошлого, они вряд ли просто примут модель ЕС, без адаптации ее сначала к местным реалиям» [Gongola, 2010].

Приняв европейское крещение, страны Центрально-Восточной Европы и Балтии должны были поделиться своим суверенитетом с наднациональными органами, поставив себя в ситуацию младшего партнера к европейским гигантам, чей голос в Брюсселе звучит громче. Институциональная адаптация к ЕС означала принятие концепта надгосударственного контроля, что в понимании евроскептиков вело к проблеме дефицита суверенитета у младоевропейцев. Некоторые исследователи считают, что институциональная проблема сегодня мешает развитию европейской

идентичности, превращает ее в виртуальную конструкцию: «Для большинства европейских граждан ЕС ничего, кроме абстрактной концепции, не представляет. Многие люди не считают, что система управления ЕС является частью их повседневной жизни, хотя арены вмешательства и политические полномочия ЕС постоянно растут» [Petithomme, 2008]. Ю. Хабермас, один из интеллектуальных архитекторов европейской идентичности, вообще развивает мысль о том, что «общеевропейская гражданская солидарность не может возникнуть, если социальное неравенство между государствами-членами становится постоянной структурной особенностью ЕС» [Habermas, 2011]. Ю. Хабермас отмечает и заметные особенности институционального кризиса внутри ЕС, указывая, что фактически возникла асимметрия ЕС, монополизированными политической элитой. «Сегодня мы можем видеть, – замечает Ю. Хабермас, – равнодушие и даже апатию граждан Союза относительно решений своего парламента в Страсбурге» [Habermas, 2011].

То есть приобрести политическую идентичность единой Европы означало поделиться частью национального суверенитета. Можно предположить, что для европейцев и для национальных элит возник вопрос: кто суверен в большом европейском доме? Существует ли этот большой европейский дом с равными правами и обязанностями для всех членов? В. Клаус в свое время сделал замечание, что «не существует общего европейского дома, как удостоверения личности, потому что Европа очень дифференцирована на культурные области. Таким образом, мы можем говорить о Европе лишь в некоторых общих чертах» [Korniyshuk, 2010]. Эта ситуация, связанная со скептическим отношением к основаниям европейского дома, стала особенно значимой для балтийских государств, актуализировав вопрос об их месте в ЕС.

Векторы балтийской идентичности: Между Скандинавией и Польшей

В современной политологической литературе термин «страны Балтии» описывается нередко как «политическое изобретение XX в., имеющее мало общего с исторической или культурной самобытностью трех стран» [Paulauskas, 2005]. Литва, Латвия и Эстония никогда не были единым геополитическим образованием и,

более того, не стремились к интеграции друг с другом. Термин «страны Балтии» появляется в начале 1990-х годов, когда три страны, исторически и культурно разнородные, были сгруппированы в один европейский регион.

В европейском сознании сложился целый миф о триединстве Литвы, Латвии и Эстонии в плане их исторического прошлого, который стирает грани национальных государственных идентичностей.

Другой миф в европейском сознании укоренил представление об этносе «балтов», которые населяют эти три страны. Образ «балта» стал фактически символом борьбы за независимость с восточным гегемоном (СССР), героизация этого образа в Европе породила стереотипное мнение об угнетаемых народах, требующих освобождения от внешних угроз. Страны Балтии называются «тиграми посткоммунистических реформ и высокомерными дезертирами из советского прошлого» [Berg, 2008]. Созданный в Европе образ «*goodies versus baddies*» [Berg, 2008] стал основой для нового рынка идентичностей, противостоящих российским маркерам.

Из трех стран Балтии только Литва имеет ранние традиции государственности, получившие развитие с XIII в. Две же другие территории, на которых расположены современные Латвия и Эстония, как таковой государственности не имели, находясь вплоть до начала XVIII в. под патронатом немцев, а затем шведов. В отличие от Эстонии и Латвии Литва до объединения с Польшей в рамках Речи Посполитой исторически развивалась как самостоятельное государство, будучи долгое время важным игроком в европейской политике.

Судьбы стран Балтии сходятся в момент, когда они становятся частью Российской империи. Государственность Латвийской Республики и Эстонии была провозглашена только в 1918 г. и получила международное признание в 1920–1921 гг. «История балтийских стран до периода вхождения в Россию (начало XVIII в.) свидетельствует о том, что Эстония и Латвия были больше зависимы от Северной Европы (Швеция, Дания и Германия), а Литва, благодаря исторической интеграции с Польшей, была более подвержена влиянию из Центральной Европы» [Miniotaite, 2008].

После восстановления своей независимости три балтийских государства не имели плана интеграции друг с другом. Укрепление их индивидуальных суверенитетов и восстановление атрибу-

тов государственности не создавали благоприятных условий для тесного регионального сотрудничества.

Исторически этнические, культурные и политические идентификационные маркеры стран Балтии лежали в разных плоскостях, включая конфессиональную разницу между протестантской лютеранской идентичностью в Латвии и Эстонии и католическим самосознанием населения Литвы. Один из основных маркеров – язык, положенный в основу политики идентичности во всех трех государствах. Литовский и латышский языки относятся к балтийской группе индоевропейских языков, эстонский же принадлежит к финно-угорской группе.

Тяготение к различным центрам сохранилось и сегодня. Особенно это видно на примере Эстонии, ориентированной на строительство своей идентичности не столько в балтийской плоскости, сколько в Скандинавии. Именно на Финляндию приходится больший объем политических и экономических отношений. Эти различия довольно верно обозначает Э. Берг: «Эстонцы утверждают свою схожесть со скандинавами, литовцы утверждают в ценностях центральноевропейских культурных традиций и могущества польско-литовского союза в прошлом. Только латыши убеждены, что их идентичность лежит в пределах региона Балтийского моря» [Berg, 2008].

Для Латвии, страны с «вынужденным балтийским сознанием», поиск своего места в современной Европе все больше зависит от конъюнктуры в отношениях ЕС и России. «Латыши всегда были сильными промоутерами и энтузиастами балтийского единства и сотрудничества, что, конечно, естественно, потому что только одни они граничат с двумя балтийскими соседями» [Kasekamp, 2012]. Именно этот географический контекст Латвии стал причиной латвийской активности в продвижении концепта балтийского единства.

Ориентиры Литвы в поисках центров идентичности остались прежними – Центральная Европа, но главным конкурентом в этом пространстве стала Польша. Исторический союз двух стран реорганизовался в конкуренцию, которая вызывает политическую и культурную напряженность, во многом потому, что «литовская национальная идентичность была также построена в значительной степени за счет дистанцирования литовской культуры от польского влияния» [Kasekamp, 2012].

Существенную роль в самоопределении стран Балтии играет тот факт, что на протяжении своей истории их территории находились на периферии для всех геополитических идентификационных центров: Центральная и Восточная Европа, Северная Европа (Скандинавия), Россия (Российская империя). Положение «европейского пригорода» особенно болезненно переживается в балтийских странах. Соответствующий самоидентификационный комплекс породил дилемму в сознании младевропейцев. С одной стороны, в странах Балтии присутствует ярко выраженное стремление в идеализированную Европу, осознание исторической причастности к европейскому пространству, как носителей европейской идентичности. С другой стороны, европейское пространство разделено на центр и периферию, и это порождает чувство дискомфорта у тех, кто принадлежит к последней.

После присоединения Эстонии, Латвии и Литвы к ЕС и НАТО особенно отчетливо стали видны контуры их внешней политики. Поиск стратегических партнеров в центрах ЕС и за его пределами показал приоритеты сотрудничества, и у трех балтийских государств они оказались различными. Литва сосредоточила усилия по линии Варшава – Вашингтон, Эстония продолжает ориентироваться на Хельсинки – Брюссель, а Латвия оказалась более уязвимой, оставшись фактически без четко выраженных партнеров, в ситуации «между всеми».

Роль России в поиске идентичности в странах Балтии

До 2004 г. утверждалось, что «включение балтийских государств в ЕС и НАТО будет способствовать реструктуризации исторически обремененных отношений» [Ehin, Berg, 2009]. Но через девять лет после этого не заметно никаких признаков хотя бы формальной «перезагрузки» в отношениях между Россией и балтийскими странами. Повестка дня 1990-х годов между Россией и прибалтами актуальна и сегодня: статус русскоговорящих меньшинств, отношение к историческому наследию Второй мировой войны, дискуссия вокруг советской оккупации Литвы, Латвии и Эстонии и др. Эта повестка никуда не исчезла, поскольку с самого начала она стала частью политики суверенных республик по строительству наций, десоветизации и установлению в обществен-

ном сознании контекстуальных рамок дискуссии вокруг советского наследия во всей Европе.

Балтийские государства в утверждении своей «идентичности» используют только тиражируемый в массовом сознании образ советской оккупации. Однако советская история Прибалтики не единственный ключевой этап в ее истории, на протяжении нескольких столетий одна или сразу несколько современных территорий стран Балтии находились под юрисдикцией германских орденов, Польши, Пруссии, Швеции, Дании, Российской империи. Реальность немецкой и шведской оккупации, а затем ассимиляции в Российской империи оставили значительные следы в балтийской истории.

Членство в ЕС, судя по всему, добавило новые измерения конфликта и расширило арену соперничества в вопросах о советской истории.

Во многом такое положение дел объясняется тем, что «интерсубъективные идеи, нормы и ценности представляют собой независимые причинные силы в международных отношениях, отличные от материальных структур, а национальные идентичности, воплощенные в конструкциях государств, являются одними из наиболее важных элементов этих идейных структур» [Ehin, Berg, 2009]. Возможно, именно поэтому выстраивание конструкций национальных идентичностей в России и балтийских государствах основано на взаимоисключающих версиях интерпретации истории.

В сущности, мы имеем дело с двумя повествовательными конструкциями, которые устанавливают антагонистический режим дискурса и делают возможным существование противостоящих идентичностей в новых условиях. Последние предполагают, что сама нынешняя европейская идентичность в балтийских странах основывается на контридентификации по отношению к историческому советскому прошлому и российскому настоящему, в условиях правопреемственности.

Возможно, стоит предположить, что современная идентичность в странах Балтии является в определенной мере заложником дискурса по отношению к России. При этом следует обратить внимание на то, что образ формируется не всегда обоснованно, а в большей степени при его конструировании закладывается целый комплекс постулируемых моментов, которые могут быть приняты на веру.

Особенно такое положение вещей заметно в политических заявлениях, документах, стратегиях и программах в странах Балтии. К примеру, в докладе консерваторов «Стратегия сдерживания России», написанном премьер-министром Литвы, председателем партии «Союз отечества», Россия предстает как «неудобный сосед, чья государственность зиждется на субстрате оккупации – либо территорий, либо умов, в зависимости от периодов ее развития»¹. Образ России постулируется как «образ внешнего врага», затем в тексте начинают работать культурные мифы, стереотипы и условности. Система координат, в которых складывается образ российского государства, изначально задана, поэтому сам образ стал лишь ментальной конструкцией, презентующей идеологические позиции и исторические условности.

Исторический режим дискурса вокруг новой идентичности балтийских государств стал определяющим, центральным для интерпретации экономического и политического места этих трех стран в ЕС. В конце первого десятилетия XXI в. исторические обиды балтийских государств перекочевали в сферу конструирования образа России как неоимперии на евразийском пространстве. Этот образ формируется с использованием таких понятий, как «энергетическая держава», «евразийский полюс интеграции», «экономический центр на постсоветском пространстве».

В целом ряде исследований, посвященных месту современной Прибалтики в ЕС, стала проследиваться мысль об «экономической оккупации» младевропейских государств со стороны России: «Экономическое развитие России, давление на страны Балтии препятствуют укреплению экономической независимости или экономической деоккупации этих государств. Тем не менее Балтийское членство в НАТО и ЕС не может гарантировать их полную деоккупацию» [Sleivyte, 2008].

В странах Балтии существует опасение, что «энергетическая дипломатия» России в дальнейшем увеличит их зависимость от России двумя способами. Прежде всего, развитие сотрудничества с главными игроками в ЕС приведет к реализации стратегии альтернативной транзитной инфраструктуры (например, Северо-

---

¹ «Rusijos sulaikymo strategija» 05.09.2007 г. Mode of acces: <http://politika.kubilius.lt/2007/05/rusijos-sulaikymo-strategija.htm>

европейского газопровода по дну Балтийского моря), которая направлена на отстранение балтийских стран от недавно разработанных маршрутов транзита и может привести к уменьшению их возможности стать геополитическим мостом между Россией и ЕС. Кроме того, Россия усиливает контроль над транспортными коридорами энергетических ресурсов в странах Центрально-Восточной Европы в целом. Таким образом, транспортно-транзитная специализация стран Балтии в ЕС будет выглядеть сомнительной, а альтернативной пока не существует. Поиск полюсов экономической интеграции с Россией станет для Прибалтики неизбежностью, что впоследствии должно, вероятно, изменить контуры и национальной политики или полностью ее переформатировать.

Подобное положение вещей в ЕС не работает на солидаризацию, а скорее ведет к установлению практик национального притеснения, что в дальнейшем может появиться и в любом другом регионе ЕС.

«Европейская идентичность» в странах Балтии: Необходимость и возможность

Для стран – участниц ЕС понятие европейской идентичности является своеобразным политическим инструментом: «Европейская идентичность необходима для Европейского союза, чтобы избежать фрагментации, хаоса и конфликтов всякого рода (военных, социальных, экономических и политических) и содействовать достижению единства, солидарности, субсидиарности, согласия и сотрудничества» [Delgado-Moreira, 1997]. При этом население трех балтийских государств воспринимает европейскую идентичность по-разному в зависимости от социально-экономических характеристик и ожиданий от ЕС, отношения к истории и вопросу о национальной политике.

Самой евроориентированной страной из всех трех на сегодняшний момент остается Эстония. Доверие эстонцев к институтам ЕС в мае 2010 г. было самым высоким в Европе – 68%¹, после вступления в зону евро оно снизилось, но в период 2010–2012 гг.

---

¹ «European Commission. Eurobarometer73». – Mode of access: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb73/eb73_en.htm (Дата посещения: 23.02.2013.)

доверие к институтам ЕС во всех европейских странах так или иначе откатилось к некоторому разочарованию. Об этом свидетельствует опрос «Eurobarometer» (Евробарометр).

Явка в Эстонии – 43,9%, такая же, как и в Скандинавии (Финляндии – 40,3% и Швеции – 43,8%), в Латвии – 52,95%, что во многом подтверждает различные уровни доверия как к институтам ЕС, так и синхронность общественного мнения с разными европейскими центрами. Возможно, «младоевропейцы» (особенно Литва) потеряли интерес к европейским институтам, проигнорировав главные выборы, что тут же ударило по легитимности Европарламента. Воздержание от участия в выборах, в частности, снижает легитимность избирательного процесса, Европейского парламента и Европейского союза в целом. Ценность прямых выборов в парламент впервые с 1979 г. оказалась подорвана. «Для большинства европейских граждан ЕС ничего, кроме абстрактной концепции, не представляет. Многие люди не считают, что система управления ЕС является частью их повседневной жизни, хотя арены вмешательства и политические полномочия ЕС постоянно растут» [Gonzalez, 2012].

Литература

- Berg E.* Where East meets the West? Baltic states in search of new identity // *Regions in Eastern and Central Europe: past and present* / Hayashi T., Fukuda H. (eds.). – Sapporo: Slavic research center, Hokkaido univ., 2008. – P. 49–67.
- Delgado-Moreira J.M.* Cultural citizenship and the creation of European identity. // *Electronic journal of sociology*. – Madrid, 1997. – Mode of access: <http://www.sociology.org/content/vol002.003/delgado.html> (Дата посещения: 20.05.2013.)
- Ehin P., Berg E.* Incompatible identities? Baltic-Russian relations and the EU as an arena for identity conflict // *Identity and foreign policy: Baltic-Russian relations and European integration* / Ehin P., Berg E. (eds.). – Surrey: Ashgate publishing, 2009. – Mode of access: http://www.ashgate.com/pdf/SamplePages/Identity_and_Foreign_Policy_Ch1.pdf (Дата посещения: 23.03.2013.)
- Gongola L.H.* Western European «identity» versus eastern European «identity»: Paper for Challenges of a new Europe: chances in crises project. – 2004. – Mode of access: [http://www.inclusionexclusion.nl/site/?download=Laura Herta Gongola](http://www.inclusionexclusion.nl/site/?download=Laura+Herta+Gongola) (Дата посещения: 13.09.2012.)
- Habermas J.* Europe's post-democratic era // *The Guardian*. – 2011. – November, 10. – Mode of access: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2011/nov/10/jurgen-habermas-europe-post-democratic> (Дата посещения: 03.03.13.)

- Kasekamp A.* The role of Baltic identity and cooperation in political developments // The Baltic Times. – 2011. – April, 21. – Mode of access: <http://www.baltictimes.com/news/articles/28526/> (Дата посещения: 13.03.2013.)
- Korniychuk A.* Euroscepticism in Czech Republic // International relations database. – 2010. – February, 16. – Mode of access: <http://irdb.wordpress.com/2010/02/16/euroscepticism-in-czech-republic> (Дата посещения: 11.12.2012.)
- Miniotaite G.* The Baltic states: in search of security and identity // Almost NATO: Partners and players on central and Eastern European security / Krupnik C. (ed.). – Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2008. – 360 p. – Mode of access: <http://edvardas.home.mruni.eu/wp-content/uploads/2008/10/balt-vals-saugumas.doc> (Дата посещения: 13.03.2013.)
- Paulauskas K.* The Baltic states: picking regions, shedding myths, decoding acronyms // Lithuanian foreign policy review. – Vilnius, 2005. – N 1. – Mode of access: <http://archive.minfolit.lt/arch/5001/5190.pdf> (Дата посещения: 23.03.2013.)
- Petithomme M.* Is there a European identity? National attitudes and social identification toward the European Union // Journal of identity and migration studies. – Oradea, 2008. – Vol. 2, N 1. – Mode of access: http://www.e-migration.ro/jims/Vol2_no1_2008/JIMS_vol2_no1_2008_PETITHOMME.pdf (Дата обращения: 20.05.2013.)
- Sleivyte J.* Russia's European agenda and the Baltic states. – L.: Routledge, 2004. – 228 p.
- Кортунов С.* Что стоит за мифом о «советской оккупации» // Безопасность Евразии. – М., 2009, № 1. – Mode of access: <http://www.hse.ru/data/2010/03/12/1235815482/Что%20стоит%20за%20мифом%20о%20советской%20оккупации.doc> (Дата посещения: 23.03.2013.)
- Хмельцов А.И.* Когда «они» говорят о «нас»: политический дискурс – анализ и семиотика внешней политики в междисциплинарной перспективе // Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. тр. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 59–71.